

*Chronotope of the madhouse
in the novel "The Master and Margarita"
by M.A. Bulgakov*

The article deals with the chronotope of the madhouse as one of the main ones in the organization of the novel "The Master and Margarita" by M.A. Bulgakov. The temporal category is presented in various forms (historical, biographical, folklore, fairy-tale, mystical, literary time). The space is extremely diverse (otherworldly, mythical, game). The chronotope of the madhouse performs a genre and plotting function.

Key words: *chronotope of the madhouse, time, space, space-time symbolism.*

(Статья поступила в редакцию 16.04.2018)

С.Р. НИКИШИНА
(Елабуга)

**ПРОБЛЕМА ЖЕНСКОГО СЧАСТЬЯ
В ПОВЕСТИ Г. ИБРАГИМОВА
«СУДЬБА ТАТАРКИ»**

Представлена типология женских образов в повести Г. Ибрагимова «Судьба татарки». Анализируются и характеризуются художественные способы создания женских образов с точки зрения их национальной принадлежности, поднимается проблема женской эмансипации.

Ключевые слова: *татарская литература, реализм, женская эмансипация, просвещение, типология женских образов.*

Критическая направленность творчества реалистов особенно ярко проявилась в произведениях татарских писателей начала XX в. Авторы не ограничивались внешним описанием поведения и поступков человека, а стремились к правдивости и глубине в процессе художественного освоения мира. Для писателей данного направления характерно исследование внутреннего мира человека в реальной связи с жизненной средой и обстоятельствами.

«Осознание необходимости изображения человека в органической связи со средой,

по-видимому, представлялась татарским писателям-реалистам важным открытием в области художественного творчества (так это и было). Они, как бы упиваясь озарением, постигшим их, проблему личности и среды вначале решали несколько публицистично» [5, с. 147].

В начале XX в. прогрессивные татарские писатели усилили борьбу за раскрепощение женщин. В произведениях Фатиха Амирхана, Гаяза Исхаки, Галимджана Ибрагимова данная проблема рассматривалась исходя из исторических условий и духовных традиций татарского народа. Произведения этих писателей сильны реализмом, поскольку образы и сюжеты брались из современной жизни. Пример тому – творчество Г. Ибрагимова, который не мог с примирением относиться к любым проявлениям порабощения человека, и особенно женщины.

Трагическая судьба женщины-татарки нашла отражение в повести Г. Ибрагимова «Судьба татарки» (1909). Автор колоритными красками рисует жизнь татарского патриархального крестьянства и раскрывает морально-нравственные противоречия, царившие в обществе того время. Г. Ибрагимов одним из первых в татарской литературе создал трагический образ угнетенной женщины, которая не может смириться с собственным социальным положением, а упорно сопротивляется устоям, господствующим в татарском обществе того времени.

Героиней произведения является молодая женщина Гюльбану, доведенная до крайности побоями и оскорблениями, решившаяся на отчаянный поступок – побег из ненавистного ей дома. Обрезав длинные волосы и переодевшись в мужскую одежду, она перевоплощается в мужчину.

Героиня Ибрагимова окружена аурой любви, а жизнь ее возведена в романтический идеал. Казалось бы, что теперь она стала свободной. Но Гюльбану испытывает муки совести, ведь она считает теперь себя грешной и боится наказания, которые ждут ее в «загробной жизни». Несмотря на непреодолимую тягу к независимости, ей так и не удалось почувствовать себя по-настоящему свободной.

Анализируя повесть Г. Ибрагимова «Судьба татарки», Г. Халит заключает: «Отношение к проблемам эмансипации женщины часто выступало здесь под покровом мелодраматизма и сентиментальности, т. е. ограничивалось пас-

сивным сочувствием тяжелой доле татарки, призывом быть гуманным к ней и т. д., короче говоря, в татарской демократической литературе не успел еще сложиться тот суровый реализм, который безжалостно обнажил бы истоки социального и нравственного зла, душившего человеческое достоинство женщины» [6, с. 117].

Первый вариант повести «Судьба татарки» вышел в свет в 1909 г. А в 1929 г. появляется второй переработанный вариант данного произведения. Писатель считал, что первая повесть настолько слаба, что напоминает «первые, неверные шаги младенца».

Жена писателя Э. Мухамедова напишет в своей книге следующее: «Когда Галимжан диктовал самые трагические моменты в жизни Гюльбану, лицо его принимало страдальческое выражение, глаза были печальными. Видно, глубоко переживал он безысходность судьбы своей героини» [3, с. 85].

Во втором варианте повести на смену романтической фабуле приходит сюжет, основанный на реальных фактах. Автор уже не ограничивается описанием личных переживаний своей героини. Теперь она окружена реалистическими образами других женских персонажей.

Образ Гюльбану, вне сомнения, является самым ярким и впечатляющим. Он замечателен не только как мастерски нарисованный портрет татарской женщины, но и как свидетельство растущего женского самосознания и проявившимся протестом против тех оскорбительных понятий, что господствовали в обществе по отношению к татарской женщине. Образ Гюльбану трогает своей непосредственностью, мягкостью и добротой, покоряет моральной чистотой. Мы видим в ней необыкновенную кротость и благородство в сочетании с силой воли и неистребимым устремлением к независимости.

Как любая девушка, Гюльбану мечтала связать свою жизнь с любимым человеком. Но, по мнению ее отца, она не могла иметь собственных желаний. Ее робкие попытки к сопротивлению не увенчались успехом. При выборе жениха старый Нурий руководствовался лишь корыстными побуждениями. Главным для него было одно – в случае удачной сделки в его руках будет большой выкуп. Чувства же родной дочери его ничуть не беспокоили.

Образ старика Нурия очень напоминает другой персонаж Г. Ибрагимова – муллу Джаляля из романа «Молодые сердца». Но в отличие от последнего, Нурий неприятно поража-

ет еще большим упрямством, грубостью и самодурством. Эти черты характера, по мнению писателя, были присущи обычным представителям зажиточного слоя крестьянства того времени.

Следует отметить, что, несмотря на страх перед деспотичным отцом, Гюльбану все же предпринимает попытку избежать свадьбы с Закиром. Будучи не в силах примириться с несправедливостью, она проявляет инициативу и назначает тайное свидание своему возлюбленному. В глубине души девушка еще питает надежду, что ее Лутфи сможет найти какой-нибудь выход из создавшегося положения. Но этим надеждам не суждено было сбыться. Об истинных чувствах юноши к Гюльбану приходится только догадываться. Возможно, Лутфи не испытывал к девушке глубоких чувств, или же он просто испугался, будучи неспособным подняться выше деревенских предрассудков. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Гюльбану не удалось достичь своей цели. Девушка должна была пройти многострадальным путем своих бесчисленных предшественниц и познать бесконечное унижение, постепенно превращаясь в бессловесную рабыню старых традиций. Образно и впечатляюще воспроизводит Г. Ибрагимов картины свадьбы, где невеста является предметом купли-продажи, «живой куклой», лишенной человеческих радостей.

В повести – целый ряд примечательных женских образов. В процессе раскрытия их характеров писатель не ограничивается двумя цветами – черным и белым, а использует разнообразную палитру цветов. Его героини получают разносторонними, сочетающимися в себе как положительные, так и отрицательные качества.

Взять, например, образ матери Гюльбану, женщины робкой и тихой. Однако наравне с кротостью в ней уживаются и такие черты характера, как жестокость и ненависть, направленные на пасынка Шайхеля. Жизнь Фатхии совсем нельзя назвать счастливой. Она была седьмой по счету женой старика Нурия. «Первая жена умерла через полтора года от родов. Со второй он развелся – обвинил, что глаз от мужчин не отрывает, развратной бабенкой может стать. Третья сама сбежала, оставив ему все приданое. Одна из жен попалась ловкая, спорая, но с острым язычком. Не успевал он слова сказать, она ему десять в ответ. Заговорила у Нурия мужская гордость, решил проучить непокорную, избил ее, как собаку, пинал в грудь ногой и в одном платье вышвырнул в

двор, на снег... Самой выносливой оказалась Фатхия. Она одолела тридцать лет тяжелой муки и наконец из всех жен осталась одна. Но сердце ее, переполненное страхом перед Богом, судьбой и мужем, подобно листу осины, трепещущему от малейшего дуновения ветерка, замирало и не умело сопротивляться никакому несчастью» [1, с. 153].

Ясно видно, что отношение старика Нурыя ко всем своим женщинам было ничуть не лучше, чем к скотине. Поэтому он никак не отреагировал на слезную просьбу Гюльбану не отдавать ее замуж за Закира, а на уговоры Фатхии, осмелившейся замолвить слово за дочь, заявил: «Несчастлива жизнь тех, кто женится по любви. Выбирать нечего, нужно довольствоваться тем, что суждено» [Там же, с. 55].

Показывая трагедию татарской женщины, Г. Ибрагимов осуждал законы старого мира, душившего ее человеческое достоинство. Отношение же самого общества к ней зачастую было полно унижающих ее оскорбительных предрассудков. Женщине отказывали в уме, способностях, дарованиях. Она рассматривалась как существо низшего порядка по сравнению с мужчиной, несовершенное по своей природе, слабое, а потому самой природой обреченное на зависимое положение. В семье она – дочь, обязанная повиноваться родительской воле, как бы далеко она ни простиралась. После замужества – жена, покорная воле своего мужа, слова и желания которого должны были быть для нее непререкаемыми.

Анализируя повесть «Судьба татарки», Г. Халит приходит к интересному выводу: «Реалистическое мастерство Г. Ибрагимова состоит в том, что судьбу отдельного героя он изображает в нерасторжимой связи с социально-нравственной трагедией целого хозяйственного уклада, породившего бесчеловечные антигуманные отношения. Трагическая судьба Гюльбану – не что иное, как неизбежный результат этих отношений» [Там же, с. 121].

Из всего художественного ряда женских образов повести, безусловно, одним из самых впечатляющих является образ свекрови Гюльбану. Это наиболее «выпуклый», глубоко реалистичный персонаж повести.

Сабира – человек старого мира, она опутана догмами и предрассудками. Ее образ является как бы масштабом, по которому автор измеряет степень отрыва нового мира от старого. Всем, от чего избавляется новый мир, в избытке наделена Сабира. Она переполнена ненавистью и злобой. Но возникает резонный вопрос,

что же сделало ее такой? Ведь, наверное, и в ее душе были ростки прекрасного, и она когда-то мечтала о любви и счастье. Вероятно, став женой Шибая, она превратилась в рабу деспотичного мужа, от которого приходилось терпеть постоянные побои и унижения. Совершенно очевидно, что Сабира – сама жертва тех условий жизни, где царит бесчеловечное и антигуманное отношение к женщине.

«Когда Сабира начинала бушевать, он (Шибай. – Н.С.) обычно брал кожаную плеть и посох, с которым ходил в мечеть, и бил жену куда попало. Устав размахивать плетью, уходил из дому. Сабира сначала плакала, потом поднималась, бралась за работу и только после этого несколько недель ходила тише воды ниже травы» [1, с. 196].

Но такое жестокое обращение не превратило Сабиру в робкую, забитую женщину, а наоборот, только озлобило ее. Перед читателем предстает человек, у которого низменные инстинкты возобладали над разумом. После смерти Шибая, единственного человека, кто мог сдерживать злобные излияния жены, Сабира обрушила на младшую сноху всю скопившуюся за долгие годы ненависть. Она натравливала на Гюльбану своего сына, который был неспособен противостоять изощренным козням своей матери.

Все робкие попытки молодой женщины противостоять мужу и свекрови пресекались на корню. Унижения и побои были единственным способом разрешения конфликта в этой семье. И никто не мог защитить бедную женщину. Все моральное уродство Закира разоблачается в сцене избияния им Гюльбану, которая попыталась спрятаться от него у соседей: «Дверь распахнулась, с вожжами в руках ввалился Закир. При виде мужа Гюльбану вздрогнула всем телом, уставилась испуганно на вожжи, ожидая нового удара. Сегодня женщина увидела в лице мужа новые черты, которые доселе не замечала. Обычно холодные, чуть глуповатые глаза Закира сегодня кипели кабаньим бешенством. Еще больший страх охватил Гюльбану. Ее трясло. Муж, глядя на нее свинными глазами, приблизился и ударил ее скрученными вожжами...» [Там же, с. 269].

Жизнь Гюльбану превратилась в сущий ад. Из красивой веселой девушки со звонким смехом она превратилась в забитое и пугливое существо.

В минуты отчаяния несчастная женщина попыталась найти поддержку у деревенского муллы в надежде, что тот сможет хоть как-то усмирить деспотичного мужа. Но мулла уве-

щевал ее: «Терпеть надо. Кто терпит, то удостоится блаженства. В священных книгах писано: право мужа – право Бога. Куда муж ударит, то место в аду гореть не будет. Терпи, сноха» [1, с. 274].

Трагическую роль в жизни Гюльбану сыграло еще одно обстоятельство – невозможность заручиться поддержкой родителей. Хотя отец и видел мучения дочери, жалел ее, но все же не мог переступить через свою жадность. Ведь тогда пришлось бы оставить в доме мужа богатое приданое.

Трагическая смерть ее новорожденных детей внесла еще большее смятение в душу Гюльбану. В минуты острого отчаяния она идет к деревенской колдунье, которая предрекает ей новые мучения. Еще одно зверское избиение мужа становится последней каплей, переполнившей чашу терпения женщины. Будучи не в силах сносить несправедливость, Гюльбану решается на отчаянный шаг, на самоубийство.

Г. Ибрагимов попытался найти свой собственный подход к решению проблемы раскрепощения мусульманской женщины. Если в первом варианте повести трагическое начало было обусловлено поведением героини и ее субъективным отношением к действительности, то уже во втором варианте оно было вызвано теми связями, которые проявляются во взаимоотношениях героини с окружающими ее людьми.

И возникает вопрос: типична ли судьба Гюльбану? Скорее нет. Г. Ибрагимов на примере Сабиры и Гюльбану раскрывает извечный конфликт между снохой и свекровью. Следуя законам литературного творчества, писатель подает этот конфликт, используя примеры гиперболизации, предполагающие усиление эмоционального воздействия на читателя. Чем человечнее и чище показана Гюльбану, тем ярче на ее фоне проступают самодурство Сабиры и необоснованная жестокость Закира. Гиперболизирован и образ отца Гюльбану, ставящего деньги превыше счастья единственной дочери.

«Трагедия татарской женщины Гюльбану в произведениях Г. Ибрагимова, – пишет А. Махмудов, – проявилась в трех ее аспектах: во-первых, в ее борьбе с патриархальными обычаями, устоями, господствовавшими в татарском обществе дореволюционного периода; во-вторых, она осложнилась внутренними противоречиями в характере самой героини; в-третьих, этому способствовали и объективные обстоятельства – грубое отношение све-

крови, традиции старой жизни, неспособность мужа защитить ее от незаслуженных обид и т. д.» [2, с. 99].

Следующим образом трактует данную ситуацию М. Хасанов, склоняющийся к мысли, что «бесправие татарской женщины закреплено тремя печатями: патриархальными семейными отношениями, официальными законами общества и мусульманской религией... В трагическом исходе отображаемых автором событий, в гибели Гюльбану заложен глубокий философский смысл. Ибрагимов проводит в повести идею о том, что для спасения татарской женщины необходимо порвать цепи социального гнета, обуславливающие семейное, религиозное и общественное порабощение женщины» [7, с. 376].

Внутренняя драма Гюльбану обрисована Г. Ибрагимовым в реалистическом ключе, а ее жизненные искания показаны в свете сложных противоречий социально-исторического процесса. Психологическая обрисовка образов подчинена выявлению изображаемых социальных явлений. С новой силой зазвучал протест молодого поколения против устаревших традиций. И выражен был этот протест через образ Гюльбану, ее мысли, переживания, поступки. Она всего лишь слабая женщина, у нее недостаточно сил для того, чтобы самостоятельно вырваться из крепких оков удушающей социальной действительности. Изначально это противоречие было обречено на гибель.

Г. Ибрагимов, рассматривая проблему женской эмансипации, выступал за создание необходимых социальных условий, которые позволили бы женщине проявить себя как личность. В своих произведениях он бичует недостатки в семейной, социальной и общественной жизни татар, реально отражает рабское положение женщины и поднимает вопрос о необходимости равноправного брака, основанного на взаимной любви. Тесно сближая литературное творчество с реальной жизнью и чутко откликаясь на актуально злободневные вопросы действительности, писатель продолжил лучшие традиции национальной самобытной литературы.

Список литературы

1. Ибрагимов Г. Татарка: роман / пер. с татар. Г. Шариповой. М.: Гослитгиздат, 1935.
2. Махмудов А.Г. Торжество прекрасного: формирование и развитие литературно-эстетической мысли татарского народа в конце XIX – начале XX в. 2-е изд. Казань, 1999.
3. Мухамедова Э.Д. Большая жизнь. Казань: Тат. кн. изд-во, 1968.

4. Никишина С.Р. Проблема феминизма в татарской литературе начала XX века (эволюция творческого метода и героя). Елабуга: ЕГПУ, 2004.

5. Нуруллин И. Путь к зрелости. Казань: Тат. кн. изд-во, 1971.

6. Халит Г. Герои, рожденные революцией. Казань: Тат. кн. изд-во, 1978.

7. Хасанов М.Х. Галимджан Ибрагимов. Казань: Тат. кн. изд-во, 1969.

* * *

1. Ibragimov G. Tataraka: roman / per. s tatar. G. Sharipovoj. M.: Goslitizdat, 1935.

2. Mahmudov A.G. Torzhestvo prekrasnogo: formirovanie i razvitie literaturno-jesteticheskoj mysli tatarskogo naroda v konce XIX – nachale XX v. 2-e izd. Kazan', 1999.

3. Muhamedova Je.D. Bol'shaja zhizn'. Kazan': Tat. kn. izd-vo, 1968.

4. Nikishina S.R. Problema feminizma v tatarskoj literature nachala HH veka (jevoljucija tvorcheskogo metoda i geroja). Elabuga: EGPU, 2004.

5. Nurullin I. Put' k zrelosti. Kazan': Tat. kn. izd-vo, 1971.

6. Halit G. Geroi, rozhdennye revoljuciej. Kazan': Tat. kn. izd-vo, 1978.

7. Hasanov M.H. Galimdzhan Ibragimov. Kazan': Tat. kn. izd-vo, 1969.

Issue of women's happiness in the story by G. Ibragimov "The Fate of the Tatar"

The article deals with the typology of women's images in the novel by G. Ibragimov "The Fate of the Tatar". The author analyzes and characterizes the artistic ways of creating women's images from the point of their national identity, raises the problem of women's emancipation.

Key words: *Tatar literature, realism, women's emancipation, education, typology of women's images.*

(Статья поступила в редакцию 16.04.2018)

